

Сбереженная классика

Рассказы орловского писателя Татьяны Грибановой отдают уже утраченной русскою прозой свежестью. Это сбереженная классическая традиция в рамках нового русского времени. Русский уклад, русская речь и родной язык, как они были и как еще есть в их неизъясимой прелести и завораживающей простоте, – вот центр, вот в чем и где философия, загадка и расшифровка настоящей книги.

Рассказы Татьяны Грибановой широко печатались в толстых литературных журналах Москвы и России – в «Нашем современнике», «Молодой гвардии», «Московском вестнике», «Сельской нови», «Родной Ладоге», «Подъеме» и многих других.

Анатолий Загородний, лауреат премии имени Бунина

Татьяна Грибанова

Сытный месяц

Полгода как дед Михей пристроили к Петруше. Отец пообещал: «До школы. Как учиться пойдешь, Дениске под пригляд сдать».

Пете шесть с хвостиком, Дениска на год помладше. Дед Михей счет летам своим не ведет: «Чего их считать-то? Все, как есть, мои». Уже года два дед живет, не задумывается. По разуму стоит на одной ступеньке с Дениской. Видать, поэтому и интересы у них схожие. То у радиоды лишние детали обнаруживают, то из говастиков, что в кадлушку запустили, для селезня Гыши лягух выращивают, а то вздумают проверить, сколько стаканов сметаны в коту Пушки поместится. Мало Петруше Дениса, так еще дед ополоумел, свалился на его голову. Глаз два и за старым, и за малым.

А у Пети и своих дел невпроворот. И в поле смотаться надо бы, там уборочная началась, на комбайне Петрович обещался дать порулить. И за карасями в этом году только раз пришлось вырваться. У Кольки Титова под сараем снизки сохнут, а тут из-за деда не выбрал рыбицу даже у Тимкина овражка, где месад прикармливал. И в Савин лог бы сбегать, посмотреть, подрос ли куропачий выводок. Некогда даже к Макаровне в сад шмыгнуть. Доска в заборе с прошлого года на одном гвозде. Титок уж побывал, пипин, говорит, поспел. Емуче, то, Кольке-то, у него деда на руках нет!

Облака, обложившие до свету хутор, рассыпаются, солнце вылезает прямо над их хатой, и день разгуливается. Петруша, случив Михею и Дениске шашки, отправляет игроков

в тени под липки сражаться в Чапая. Принесит с веранды для Дениса панамку, для деда Михея – легионский картуз.

Часок-другой, пока игроки стараются обжужничать друг друга, Петя ковыряется в дровнем, как дед Михей, велике. Неделю назад развалил у крыльца, а справить руки не доходят. «Соберешь тут с ними, как же!» – сердится Петя и замечает, как Денис подталкивает локтем с доски дедову шашку. Михей, поглощенный поеданием красной смородины, кисточки которой дергает из миски, не замечает шельмовства. Напряженно морщит и без того порожистый лоб. Картуз сдвигает на затылок. Сквозь жиденькие, седые до желтизны пуховые колечки проглядывает серый от безвременья череп. Дед скребет на макушке и туго соображает, как это он снова умудрился продуть малышу.

«Вся природа нашенская белогористая ды волнистая», – дед гладит Дениску, словно котенка, по кудряшкам и высыпает остатки смородины под ноги. Тут же орет бурластый петух, подлетывают голенастые бройлерки и мохнатыми лапами яростно разрезают обобранные кисточки, выскивая среди сора пропущенную Михеем алую ягоду.

Дед кышкает на птиц и вынимает из душегрейного кармана поддавленные сливы. Потянув на себя сливовый дух, принимается утешаться. До Пети доносится причмокивание. Дед обмундывает косточки, лакомится медовой «Аленовой».

В августе на старика, как он сам говорит, жор нападает. Крахмалистые помидоры, тающие во рту бессемянки, треснувший от перезрелости белый налив, росныи

чернослив не дают ему покоя. Днями напролет дед пробует, жует, набирает карманы про запас.

Свой сад-огород он уже наизусть изучил-обнюхал, а потому с утра норовит улизнуть и подкормиться на чьем-нибудь соседском дворе. То огурцов ему за пазуху напихает, то насыплет в картуз яблоч-ранеток.

Август настолько щедр, что плоды его некуда девать. Хуторские не справляются с урожаем, и из садов от грузных ворохов тянет препрельми медовками и пипинами. Воздух бродит винным духом прокисающих слив.

Уборочная команда под предводительством Петруши, в составе деда Михея и Дениски, нарекает за день тоненькими ломтиками несколько ведер яблоч и груш. Нанизывают на нитку и гирлянды развешивают на веранде. На железную крышу расстелили клеенку, сушку прожаривают под палившим августовским солнцем. Тут же пристроили старое покрывало. На него высыпали накроенные тонкими лоскуточками душистые подберезовки и боровики.

Пете приходится поминутно забираться по лестнице на крышу, шевелить – ворошить сушку, следить за не-

бом, чтоб, не дай Бог, не намочило продукт. Делает обнаглешее за сытный месяц воронье. Мало ему ворохов в садах, так нет же – поподжаристей подавай. Подскочит ворога боком-боком, схватит жмуренный ломтик и – прочь. Уж такой, видать, норов шkodный. Прибил Петя крестовину на фронтон. Треух дедовский нахлобучил, рубаху натянул. А птицы только насмеются над пугалом. Облепят его и сидят-перегыркиваются.

Из сараюшки доносится чавканье и хруст сливовых косточек. Это падавник Бутуз лакомится. С утра Петина бригада подчистила заросли в кравпие под сливняком, насобирала две корзины перезрелок. Нахрустевшись, Бутуз успокаивается и замирает, лишь иногда доносит его мерный хрюк.

«Прожора, – замечает Петруша, – скоро закуть новую ладить придется». И вываливает в корыто через верх ведро юричневых семенников. Сладкие мясистые перестарки-огурцы разваливаются вдребезги, пахнут свежестью и спелой бакшой. Потребованный боров приоткрывает запыленные глазки, но с места сдвинуться не в силах. Так и засыпает, уставившись в халынный августовский корд.

Дед, вычислив наконец-то шельмовство Дениски, сыпает шашки. Обижается, словно ребенок, и, поменяв бурки на войлочные

боты, отправляется с резиной вдоль хутора. «К обеду не ждите», – заявляет внукам и скрывается за калиткой. «Видно, деду опять пора подзаправиться. На тихую охоту торопится старый, – ехидничает Петруша, – своего девать некуда, так еще со всей деревни тащит». Забросив велик, он отправляется по следу. Дед этого не терпит. Внук вынужден держаться на расстоянии и появляется в самый нужный момент, когда, изрядно напробовавшись, дед для лучшего убеждения пускает слезу и вступает в рассказы о том, что грачи подергали по весне расаду и семья осталась без огурцов, помидоры колорадский жуки на корню порешили, а сад – на горе – прихватили на цветку заморозками. Хуторяне знают Михеевы замашки и щедро утешают деда.

Вечером он не вылезает на подгору из лопутно. Кое-как свинтив велик, шпарит на другой конец деревни за фельдшерней Егоровой. Та ворчит: «Как август подкатит, одно горе с вами шедом». Назначает порошки-микстуры. Но дед их не признает. Ему не впервой. Ночь напролет шуршит, будто мышшь запечная, точит сушку – грушу-дичку. Клинь клином вышибает.

А Петруша, пока дед лечится, не спит: «Хоть бы уж сентябрь поскорее... Дед отъездет... В спячку заляжет... В школу пойду...»

Биография

Татьяна Грибанова – писатель.

Родилась: В деревне Игино Орловской области.

Образование: Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института (ныне ОГУ).

Работа: Работала преподавателем иностранного языка.

Творчество: Автор трех поэтических книг «Апрель», «Прощенный день», «Сказ о Судбищенской битве», книги деревенских рассказов «Лесковка». Печаталась в журналах: «Подъем», «Наш современник», Роман-журнал «XXI век», «Московский вестник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Простор», «Лико», «Родная Ладога», «Славянин», «Странник», в альманахах «Звезда полей», «Орел литературный», в периодической печати Москвы, Орла и др.

Награды и звания: Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского конкурса «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова (2012 г.) Специальный диплом «Прохоровское поле» за поэму «Судбищенская битва» (2013 г.).